Vladimir Lenin

On Co-operation

PAMPHLETS EDITION / 2026

1923 / New translation

pamphlets.blog/library

About this edition

On Co-operation

Vladimir Lenin

EDITION BASIS

Complete two-part essay, dictated 4 and 6 January 1923 and first published in Pravda, nos 115–116, 26–27 May 1923. Fresh Pamphlets 2026 English translation followed by the complete Russian text.

PAMPHLETS EDITION

New Pamphlets typography and digital formats, 2026. The complete identified source text is retained.

TEXT AND REUSE

The identified historical original is public domain under the assessed United States and source-country terms; Mexico is assessed separately. The English wording is a new AI-assisted translation prepared for this edition from that original. No later third-party English translation is used. Attribution and the distinction between the historical original and new translation are preserved.

EDITORIAL TREATMENT

The complete selected historical essay is included in English and in the original language. Paragraphs are aligned in the private production record; the public reading order is English followed by the original. Modern archive navigation and later editorial apparatus are excluded. Any source transcription corrections are disclosed in the edition note and recorded in the production manifest.

TRANSLATION

English freshly prepared with AI assistance directly from the identified original-language text, followed by a complete paragraph-by-paragraph source comparison. No later English translation was copied or consulted. This is an AI-assisted reading edition; no human translator identity or professional certification is claimed.

RIGHTS SCOPE

Edition-specific assessment for the United States, Russia and Mexico; not a blanket worldwide claim covering every edition or translation.

SOURCES

Wikisource bibliographic record: dictated 4–6 January 1923; Pravda 115–116, 26–27 May 1923
https://ru.wikisource.org/wiki/О_кооперации_(Ленин)
Accessed 2026-11-28

Russian reading text, Complete Works, fifth edition, volume 45, pp 369–377
https://leninism.su/works/84-tom-45/588-poslednie-pisma-i-stati-45.html
Accessed 2026-11-28

Russian reading text: Complete Works, fifth edition, volume 45, pp 369–377, transcribed by Leninism.su and bibliographically cross-checked with Wikisource. Page headers and the later editor’s cross-reference to collected-works volume 36 are excluded. The two authorial dates are retained. NEP is expanded as New Economic Policy in English; the original’s historical terminology remains visible.

Contents

English translation · Part 1 5

English translation · Part 2 9

Original Russian · Part 1 12

Original Russian · Part 2 16

English translation · Part 1

It seems to me that we pay too little attention to co-operation. Hardly everyone understands that now, since the October Revolution and regardless of the New Economic Policy—indeed, in this respect one should say precisely because of the New Economic Policy—co-operation has acquired an altogether exceptional importance for us. There is much fantasy in the dreams of the old co-operators. Their fancifulness often makes them ridiculous. But what makes them fanciful? It is the failure to understand the basic, fundamental importance of the working class's political struggle to overthrow the rule of the exploiters. That overthrow has now taken place here, and much that was fanciful, even romantic, even vulgar in the dreams of the old co-operators is now becoming the most unvarnished reality.

Indeed, once state power is in the hands of the working class and all the means of production belong to that state power, the only task left to us is to organize the population into co-operatives. Provided that the population is organized into co-operatives as fully as possible, the socialism that previously provoked justified ridicule, smiles and disdain from people rightly convinced of the necessity of class struggle, of struggle for political power, and so on, reaches its aim of its own accord. Yet not all comrades realize the vast, immense importance that organizing Russia into co-operatives now acquires for us. In the New Economic Policy we made a concession to the peasant as a trader, to the principle of private trade; it is precisely this that gives co-operation its enormous importance, contrary to what people think. In essence, to organize the Russian population into co-operatives widely and deeply enough under the New Economic Policy is all that we need. For we have now found the degree to which private interest, private commercial interest, can be combined with its supervision and control by the state, the degree to which it can be subordinated to the common interest, that used to be a stumbling block for so very many socialists. Indeed, state command over all the large-scale means of production, state power in the hands of the proletariat, an alliance between this proletariat and many millions of small and very small peasants, the securing of the proletariat's leadership in relation to the peasantry, and so on—is this not everything needed to build a complete socialist society out of co-operation, out of co-operation alone, which we formerly treated contemptuously as huckstering and which, in a certain respect, we have the right to treat in the same way now under the New Economic Policy? This is not yet the construction of a socialist society, but it is everything necessary and sufficient for its construction.

This is precisely the circumstance that many of our practical workers underestimate. Co-operation is treated with disdain here, without understanding its exceptional importance: first, from the standpoint of principle, with ownership of the means of production in the hands of the state; and second, from the standpoint of making the transition to the new order by a route as simple, easy and accessible to the peasant as possible.

And this, once again, is the essential point. It is one thing to dream about all kinds of workers' associations for building socialism; it is another to learn to build that socialism in practice so that every small peasant can take part in its construction. This is the stage we have now reached. And it is beyond doubt that, having reached it, we make far too little use of it.

When we moved to the New Economic Policy, we went too far, not in giving too much room to the principle of free industry and trade, but in forgetting to think about co-operation, in underestimating co-operation now, and in already beginning to forget its enormous importance in the two respects indicated above.

I now intend to discuss with the reader what can and must be done in practice immediately, starting from this 'co-operative' principle. By what means can and must we begin at once to develop this 'co-operative' principle so that its socialist significance is clear to each and every person?

Politically, co-operation must be placed in a position where it enjoys a certain advantage generally and at all times, and where that advantage takes a specifically material form, such as the rate of bank interest. We must lend co-operatives state funds on a scale that, even if only slightly, exceeds the funds we lend to private enterprises, extending even to heavy industry and so forth.

Every social order arises only with financial support from a particular class. There is no need to recall the hundreds upon hundreds of millions of rubles that the birth of 'free' capitalism cost. We must now recognize and put into practice the fact that, at the present time, the social order we should support beyond the ordinary measure is the co-operative order. But we must support it in the real sense of the word. Such support cannot simply mean support for any and every co-operative transaction; it must mean support for co-operative transactions in which the actual masses of the population genuinely participate. Giving a bonus to a peasant who takes part in co-operative trade is an unquestionably correct form of assistance. But checking that participation, and checking that it is conscious and sound—that is the crux of the matter. When a co-operator comes to a village and sets up a small co-operative shop, the population, strictly speaking, takes no part in this at all. At the same time, however, guided by its own advantage, it will hurry to try participating in it.

There is another side to this matter. From the standpoint of a ‘civilized’ European—above all, a literate one—we still need to do very little to get absolutely everyone to participate in co-operative operations, and to participate actively rather than passively. Strictly speaking, ‘only’ one thing remains: to make our population sufficiently ‘civilized’ to understand all the advantages of everyone taking part in co-operation and to organize that participation. ‘Only’ this. We need no other special wisdom now in order to pass over to socialism. But to accomplish this ‘only’ requires a whole transformation, an entire period of cultural development for the whole mass of the people. Our rule must therefore be: as little clever speculation and as few contrivances as possible. In this respect the New Economic Policy represents progress because it adapts itself to the level of the most ordinary peasant and demands nothing higher of him. But to achieve the participation of the entire population in co-operation through the New Economic Policy requires a whole historical epoch. At best, we may pass through that epoch in one or two decades. Yet it will still be a distinct historical epoch. Without it, without universal literacy, without a sufficient degree of practical understanding, without sufficiently accustoming the population to using books, and without a material basis for this, without a certain protection against crop failure, famine and so on, we shall not reach our aim. The whole task now is to know how to combine the revolutionary sweep and revolutionary enthusiasm that we have already displayed, displayed in sufficient measure and crowned with complete success, with—I am almost ready to say here—the ability to be an efficient and literate trader, an ability fully sufficient for a good co-operator. By the ability to be a trader I mean the ability to be a cultured trader. Russians, or simply peasants, who think that because a man trades he therefore knows how to be a trader should take careful note of this. It is quite untrue. He trades, but that is still a very long way from knowing how to be a cultured trader. At present he trades in an Asiatic fashion; to know how to be a trader he must trade in a European fashion. An entire epoch separates him from that.

To conclude: a series of economic, financial and banking privileges for co-operation—this is how our socialist state should support the new principle of organizing the population. But this only states the task in general outline. Its whole practical content is still undefined and not described in detail. We must discover the form of ‘bonuses’, and the conditions for awarding them, that we give for organizing co-operatives: a form of bonuses through which we give co-operation sufficient help, a form through which we obtain the civilized co-operator. And an order of civilized co-operators, with social ownership of the means of production and with the proletariat’s class victory over the bourgeoisie, is the socialist order.

4 January 1923.

English translation · Part 2

Whenever I wrote about the New Economic Policy, I cited my 1918 article on state capitalism. More than once this caused doubts among certain young comrades. But their doubts were directed mainly at the question in abstract political terms.

They thought that an order in which the means of production belong to the working class and state power belongs to that working class could not be called state capitalism. They failed to notice, however, that I used the term ‘state capitalism’, first, to establish the historical connection between our present position and the position I took in my polemic against the so-called Left Communists. Even then I argued that state capitalism would stand above our existing economy. It was important to me to establish the connection in development between ordinary state capitalism and the unusual, indeed quite unusual state capitalism of which I spoke when introducing the reader to the New Economic Policy. Second, the practical objective was always important to me. And the practical objective of our New Economic Policy was to obtain concessions; in our circumstances, concessions would undoubtedly have been a pure type of state capitalism. This was the form my reasoning about state capitalism took.

But there is another aspect of the matter for which we may need state capitalism, or at least a comparison with it. This is the question of co-operation.

There is no doubt that, in the circumstances of a capitalist state, a co-operative is a collective capitalist institution. Nor is there any doubt that, in the circumstances of our present economic reality, we combine private capitalist enterprises—but only on publicly owned land and under the control of state power belonging to the working class—with enterprises of a consistently socialist type, in which the means of production, the land on which the enterprise stands, and the enterprise as a whole belong to the state. Here a question arises about a third kind of enterprise that previously had no independent significance from the standpoint of principle: co-operative enterprises. Under private capitalism, co-operative enterprises differ from capitalist enterprises as collective enterprises differ from private ones. Under state capitalism, co-operative enterprises differ from state-capitalist enterprises in being private, first, and collective, second. Under our existing order, co-operative enterprises differ from private capitalist enterprises in being collective, but they do not differ from socialist enterprises if they are based on land and means of production belonging to the state—that is, to the working class.

This circumstance is insufficiently taken into account in our discussions of co-operation. People forget that, because of the particular character of our state order, co-operation acquires an altogether exceptional importance here. If we set aside concessions—which, incidentally, have not developed to any significant extent here—co-operation in our circumstances very often coincides completely with socialism.

Let me explain my thought. What makes the plans of the old co-operators, beginning with Robert Owen, fanciful? They dreamed of peacefully transforming contemporary society through socialism without taking into account such fundamental questions as class struggle, the conquest of political power by the working class, and the overthrow of the rule of the exploiting class. We were therefore right to find this ‘co-operative’ socialism thoroughly fanciful, to find something romantic, even vulgar, in dreams of turning class enemies into class collaborators and class war into class peace—the so-called civil peace—simply by organizing the population into co-operatives.

From the standpoint of the fundamental task of our time, we were undoubtedly right: socialism cannot be realized without class struggle for political power in the state.

But consider how the matter has changed now that state power is already in the hands of the working class, now that the political power of the exploiters has been overthrown, and now that all the means of production are in the hands of the working class, apart from those that the workers’ state voluntarily hands over to exploiters in concessions, temporarily and on specified conditions.

We are now entitled to say that, for us, the simple growth of co-operation is identical—with the ‘small’ exception mentioned above—to the growth of socialism. At the same time, we are compelled to acknowledge a fundamental change in our entire view of socialism. This fundamental change consists in the fact that previously we placed, and had to place, the centre of gravity in political struggle, revolution, the conquest of power, and so on. Now the centre of gravity shifts so far that it moves to peaceful organizational and ‘cultural’ work. I would be ready to say that, for us, the centre of gravity is shifting to cultural work, were it not for international relations and our obligation to fight for our position on an international scale. But if we leave that aside and confine ourselves to domestic economic relations, the centre of gravity of our work now really does come down to cultural work.

Two principal tasks lie before us, together constituting an epoch. One is to remake our administrative apparatus, which is quite useless and which we inherited entirely

from the previous epoch. During five years of struggle we have had no time to remake it seriously, and could not have had that time. Our second task is cultural work among the peasantry. The economic aim of this cultural work among the peasants is precisely to organize them into co-operatives. With complete organization into co-operatives, we would already stand with both feet on socialist ground. But this condition of complete co-operative organization requires such a level of culture among the peasantry—the peasantry specifically as an enormous mass—that it is impossible without a whole cultural revolution.

Our opponents have repeatedly told us that we are undertaking the reckless business of implanting socialism in a country that is insufficiently cultured. But they were wrong in their expectations: we did not begin at the end prescribed by the theory of all sorts of pedants, and our political and social transformation proved to be the precursor of the cultural transformation, the cultural revolution that nevertheless still confronts us. This cultural revolution is now enough for us to become a fully socialist country. But for us it presents enormous difficulties, both of a purely cultural kind, because we are illiterate, and of a material kind, because being cultured requires a certain development of the material means of production, a certain material foundation.

6 January 1923.

Original Russian · Part 1

У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью.

У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д. И вот не все товарищи дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России. В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать

теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения.

Вот это-то обстоятельство недооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина.

А ведь в этом, опять-таки, главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало.

Мы перегнули палку, переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что недооцениваем теперь кооперацию, что начали забывать уже гигантское значение кооперации в указанных выше двух сторонах этого значения.

Я намерен теперь поговорить с читателем о том, что практически можно и должно сделать сейчас же, исходя из этого «кооперативного» принципа. Какими средствами можно и должно сейчас же начать развивать этот «кооперативный» принцип так, чтобы всякому и каждому было ясно его социалистическое значение?

Надо поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто имущественной льготой (высота банкового процента и т. п.). Надо ссужать кооперацию такими государственными средствами, которые хотя бы на немного, но превышали те средства, которые мы ссужаем частным предприятиям, вплоть хотя бы до тяжелой промышленности и т. д.

Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которых стоило рождение «свободного» капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного,

есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т. е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота, — под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения. Давать премию тому крестьянину, который участвует в кооперативном обороте, это — форма безусловно верная, но при этом проверять это участие и проверять его сознательность и его доброкачественность, — вот в чем гвоздь вопроса. Когда кооператор приезжает в деревню и устраивает там кооперативную лавочку, население, строго говоря, никак в этом не участвует, но в то же время оно, руководствуясь собственной выгодой, поторопится попробовать в ней участвовать.

Это дело имеет также другую сторону. Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения «цивилизованного» (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего. Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения — вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д., — без этого нам своей цели не достигнуть. Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили и проявили в достаточном количестве и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с уменьем быть толковым и грамотным торгашом,

какое вполне достаточно для хорошего кооператора. Под уменьем быть торгашом я понимаю уменье быть культурным торгашом. Это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне, которые думают: раз он торгует, значит, умеет быть торгашом. Это совсем неверно. Он торгует, но от этого до уменья быть культурным торгашом еще очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха.

Кончаю: ряд привилегий экономических, финансовых и банковских — кооперации; в этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения. Но этим задача только еще поставлена в общих чертах, потому что тут еще остается неопределенным, не описанным детально все содержание задачи практически, т. е. надо уметь отыскать ту форму «премий» (и те условия выдачи их), которую мы даем за кооперирование, ту форму премий, при которой мы достаточно помогаем кооперации, ту форму премий, при которой мы достигаем цивилизованного кооператора. А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма.

4 января 1923 года.

Original Russian · Part 2

Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цитировал свою статью 1918 года о государственном капитализме. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей. Но их сомнения направлялись преимущественно по адресу абстрактно-политическому.

Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу и этому рабочему классу принадлежит государственная власть. Однако они не замечали, что у меня название «государственный капитализм» употреблялось: во-первых, для исторической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так называемых левых коммунистов, а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики; для меня важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем необычным, государственным капитализмом, о котором я говорил, вводя читателя в новую экономическую политику. Во-вторых, для меня всегда была важна практическая цель. А практическая цель нашей новой экономической политики состояла в получении концессий; концессии уже несомненно были бы в наших условиях чистым типом государственного капитализма. Вот в каком виде представлялись для меня рассуждения о государственном капитализме.

Но есть еще одна сторона дела, при которой нам может понадобиться государственный капитализм или, по крайней мере, сопоставление с ним. Это вопрос о кооперации.

Несомненно, что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением. Несомненно также, что в обстановке нашей теперешней экономической действительности, когда мы соединяем частнокапиталистические предприятия, — но не иначе, как на общественной земле, и не иначе, как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему классу, — с предприятиями последовательно-социалистического типа (и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом), то тут возникает вопрос еще о третьем виде предприятий, которые раньше не имели самостоятельности с точки зрения принципиального значения, именно: о предприятиях кооперативных. При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от

предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу.

Вот это обстоятельство у нас недостаточно учитывается, когда рассуждают о кооперации. Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение. Если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом.

Поясню свою мысль. В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир).

Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен.

Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тожественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что

раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству.

Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции.

Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база).

6 января 1923 года.